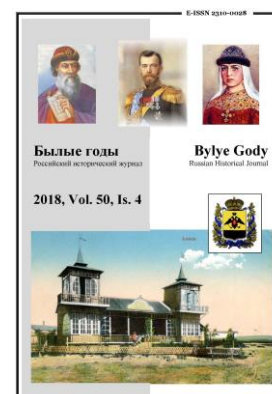

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1388-1396. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1388
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Relations between the Kalmyks and the Peoples of the North Caucasus in the Context of Military-Political Contacts in the middle of the 17th century

Vladimir T. Tepkeev ^{a, *}, German M. Borlikov ^b

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the initial period of establishing relations between the Kalmyks and the peoples of the North Caucasus in the middle of the 17th century, which at that time mainly had military and political nature. As a result of migration from Central Asia to the prairie lands of the Northern Caspian, not only the Nogai hordes on the Volga, Terek and Kuban were impacted by the Kalmyk cavalry, but also by other peoples of the North Caucasus, primarily Kabardians, who supported the Nogais and spoke on their side. Moscow used all political and military means against the Kalmyks transition to the right bank of the Volga and their appearance in the North Caucasus.

Reflecting the first offense of the Kalmyks in 1644, Kabardian dynast could not finally stop the expansion of the Kalmyk rulers into their region as a result concluded an alliance with them.

After the beginning of the Russo-Polish War of 1654-1667, Moscow state concluded a military alliance with the Kalmyks. This agreement was directed primarily against the Crimean Khanate, who took the side of the republic. The Kalmyk cavalry, already with the support of the tsarist government, again invades the North Caucasus to prevent the unification of the Crimean-Tatar and Kuban-Nogai cavalry and prevent them from joining the main military of the Russo-Polish war.

The arrival of the Kalmyk people greatly changed the political alignment in the North Caucasus, and in the future was permanent of the Kalmyk people in the region during the 17th-18th centuries.

Keywords: Kalmyks, the Northern Caucasus, the Crimean Khanate, Kabarda, Kabardians, Nogais, nomads, the 17th century.

1. Введение

Первое появление калмыков (ойратов или западных монголов) в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в середине XVII в. было результатом тех сложнейших социально-экономических и политических процессов, которые протекали в ойратском обществе и в целом в Центральной Азии. Это в конечном итоге привело к миграции части ойратов, известных в истории как калмыки, в западном направлении на территорию Северного Прикаспия. Царское правительство изначально противостояло продвижению калмыков на запад, поскольку удерживало ногайцев на левобережье Волги, но успеха это не имело. Но и калмыки около четверти века (1630–1655 гг.) не могли здесь окончательно закрепиться и считать себя полноправными хозяевами. Они не стремились ограничивать себя только рамками Волго-Уральского региона. Русские источники свидетельствуют, что первое появление калмыков на Северном Кавказе в середине XVII в. можно рассматривать и как борьбу калмыцких тайшей (князей) с Московским царством за влияние на тюркские и горские народы.

Во второй половине XVII – начале XVIII столетий между кабардинскими и калмыцкими владельцами сложились союзнические отношения вплоть до заключения династических браков. Традиционно калмыцкие ханы в северокавказском регионе имели огромное политическое влияние.

* Corresponding author

E-mail addresses: tvt75@mail.ru (V.T. Tepkeev), president@kalmsu.ru (G.M. Borlikov)

Но если обратиться к началу истории этих связей, то первые военно-политические контакты калмыков с народами Северного Кавказа происходили далеко не совсем мирно. Первое появление калмыков на Северном Кавказе в 1643–1644 гг. имело сложную предысторию и тяжелые последствия.

2. Материалы и методы

Основным материалом к настоящей статье послужили документы Российского государственного архива древних актов. Это не только материалы «Калмыцких дел» (Фонд 119), но и документы других фондов: «Дела едисанских, ембулукских, буджацких и едичкульских татар» (Фонд 114), «Кабардинские, черкесские и другие дела» (Фонд 115), «Сношения России с Крымом» (Фонд 123), «Сношения России с ногайскими татарами» (Фонд 127). Существенным дополнением к данным русских архивных документов послужили и материалы личного происхождения путешественников XVII в. и сведения из фольклора народов Северного Кавказа.

Практически ни одно историческое исследование не обходится без историко-сравнительного метода. Собирая фактический материал, осмысливая и систематизируя факты, видим, что многие явления могут иметь сходное содержание, но разные формы проявления во времени и пространстве и, наоборот, иметь разное содержание, но быть сходными по форме. Разные источники довольно часто противоречат друг другу, поэтому авторы сопоставили хронику исторических событий на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении исторических событий и приблизиться к истине. При этом сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, отражающих существенные признаки явлений, а не формальное сходство. При этом сравнение будет осуществляться на конкретных исторических фактах, которые отражают существенные признаки явлений, а не формальное сходство. Надо знать эпоху XVII века, идеологические установки и жизненные ценности того времени, типологию явлений. В одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходства, в другом – различий. Не следует забывать также и принцип историзма.

3. Обсуждение

Проблемы политических взаимоотношений калмыков с народами Северного Кавказа в XVII в. в дореволюционный период рассматривались весьма поверхностно. Особняком стоит только работа Ш. Ногмова (Ногмов, 1994), несколько раз переизданная в XIX в. и 1994 г. На богатейшем фольклорном материале адыгского народа автор впервые рассказывает о начальном периоде калмыцко-кабардинских отношений. В советский период основу в освещении этой темы на архивных материалах XVII в. заложили работы С.К. Богоявленского (Богоявленский, 1939) и Н.Н. Пальмова (Пальмов, 1926; Пальмов, 1992). В дальнейшем отдельные моменты политических контактов калмыков с народами Северного Кавказа рассмотрели в своих работах М.М. Батмаев (Батмаев, 1993), А.В. Цюрюмов (Цюрюмов, 2007), В.И. Колесник (Колесник, 2003). Теме калмыцко-ногайских отношений XVII в. в своих работах уделил внимание В.В. Трепавлов, который отмечает, что вытеснение ногайцев не являлось целью калмыцких владельцев, так как им нужны были не только новые пастбища, но и покорные подданные. Калмыцкое нашествие, продолжает автор, имело тяжелые последствия для исторической судьбы Большой Ногайской Орды, а ногайцы, потеряв свои волго-уральские территории, расселились по причерноморским степям (Трепавлов, 2002: 414, 415). Калмыцкий поход на Северный Кавказ в 1643–1644 гг. подробно изложен в работе Р.М. Бегеулова (Бегеулов, 2014). Автор приходит к мнению, что поражение калмыцкого войска в 1644 г. было довольно серьезным и болезненным (Бегеулов, 2014: 215). Проблеме южных границ России и истории русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. посвящены работы американского историка М. Ходарковского. Основываясь на опубликованных русских и турецких источниках, автор дает глубокий исторический анализ политических отношений кочевников с народами Северного Кавказа. Он, в частности, отмечает, что приход калмыков на Волгу серьезно изменил существующий баланс сил в регионе (Khodarkovsky, 1992: 236).

4. Результаты

Степные просторы на правом берегу, или «крымской стороне» Нижней Волги, калмыцким тайшам представлялись весьма безопасными. По всей вероятности, именно сюда и планировали в дальнейшем переселиться тайши, поскольку испытывали мощное военно-политическое давление со стороны восточных калмыков. Вольные просторы волжского правобережья привлекали кочевников богатыми пастбищами, водными ресурсами, бесчисленными стадами сайгаков и благополучным климатом. Но калмыкам абсолютно не была известна военно-политическая обстановка в этом регионе, а также насколько были сильны Малая Ногайская Орда, крымские татары и кабардинцы, в то время контролировавшие значительную территорию Северного Кавказа. Ответом на эти вопросы мог быть только серьезный военный набег.

Территория Северного Кавказа в середине XVII в. представляла собой арену борьбы за влияние над местными народами окружающих этот регион держав того времени – Московского государства, Османской империи, Крымского ханства и Персии. Для завоевания Северного Кавказа в первую очередь необходимо было покорить воинственных кабардинских князей, чьи владения занимали

значительную часть региона, но между которыми постоянно вспыхивали междоусобицы. Военно-политическую конкуренцию им составляли кумыкские владельцы, которые также претендовали на гегемонию в регионе. Главным форпостом Московского государства на Кавказе, через который развивались отношения русского правительства с местными народами, был Терский город.

Подготовка калмыков к походу на Северный Кавказ практически не отражена в документах. С.К. Богоявленский считал, что перед дальним и опасным походом Хо-Урлюк должен был как-то урегулировать отношения с астраханскими властями: было очень рискованно оставлять у себя в тылу враждебный город с крупным гарнизоном. С астраханскими воеводами, как предполагает С.К. Богоявленский, все-таки было достигнуто какое-то соглашение (Богоявленский, 1939: 83).

Кавказский поход, по мнению М.М. Батмаева, имел несколько целей: нанести удар по Малой Ногайской Орде; произвести разведку обстановки на Северном Кавказе; проверить, насколько царское правительство контролирует Нижнее Поволжье и Предкавказье (Батмаев, 1993: 94). Целью этого набега, как считает В.В. Трепавлов, было не только расширение кочевий, но и преследование ногайских улусов, которых тайши старались подчинить (Трепавлов, 2002: 429). Одной из причин похода В.И. Колесник считал стремление Хо-Урлюка закрепить первенствующее положение за младшим сыном Кирсаном в случае успешного его исхода (Колесник, 2003: 75). Н.Н. Пальмов склонялся к мнению, что калмыки отправились в поход под влиянием агитации донских казаков, возмущенных решением московского правительства относительно передачи туркам Азова (Пальмов, 1926: 9). Согласен с ним и А.В. Цюрюмов, который утверждает, что калмыки и донцы стремятся объединиться против Крымского ханства и подчинить Казыевский улус (Цюрюмов, 2007: 72).

Зимой 1643/44 года крымцы серьезно опасались набега калмыков: «калмыцково приходу крымские люди добре боятца» (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 69). Крымский хан понимал, что со стороны калмыков исходит угроза и старался остановить их дальнейшее продвижение на запад. Калмыцкое вторжение на Северный Кавказ в конце 1643 – начале 1644 гг. можно рассматривать и как первую серьезную попытку калмыков закрепиться в этом регионе, подчинить Малый Ногай и напрямую угрожать Крымскому ханству. Именно объединение под своей властью ногайских улусов и было главной целью тайшей. Ногайские улусы едисан и джембойлуков уже находились в подчинении у калмыцких тайшей, и на очереди оставались кубанские и терские ногайцы. В случае такого объединения калмыки и ногайцы могли бы серьезно доминировать в регионе.

Осенью 1643 г. в поход на Северный Кавказ выступило войско Лузана. В его состав входили отряды тайши Санжина, Мергена, Ергелды, а также едисанских мирз Сююнчи Абдулова, Солтаная Рохмангулова, Келимбета Абдулова, Навруза Шигаева и джемболукского Урака. Всего численность войска составляла 2 тыс. калмыков и 500 ногайцев. Совершив внезапный набег на Кубань, они разгромили владение мирзы Карашеима и захватили ясырь, а также большое количество скота и лошадей. Лузан захватил в плен брата и сына Карашеима, его жену и 40 улусных людей (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 13; 1645 г. Д. 1. Л. 107; 1646 г. Д. 2. Л. 104).

Успешные действия Лузана на Кубани, сопровождавшиеся захватом значительных трофеев, сподвигли и других калмыцких тайшей. В конце 1643 г. в поход на Северный Кавказ выступило уже войско тайши Даян-Эрке. Он направился к Тереку, где кочевали ногайцы. Однако в этом районе ногайские улусы не были им обнаружены. Выяснилось, что они незадолго до того ушли в горы, к кумыкскому князю Казаналпу. Тайши приняли решение перейти Терек и двигаться по направлению к Эндирею, захватив по дороге всего 100 ногайских кибиток мирзы Чебана Иштерекова (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 109–111).

Материалы «Кабардинских дел» более подробно освещают действия этого войска. 3 января 1644 г. в Терском городке стало известно о приближении большого количества калмыков. Воеводы М. Вольнский и Е. Самарин срочно направили в Астрахань гонца с просьбой об оказании военной помощи, поскольку не владели достаточными силами для обороны. Также они незамедлительно поставили в известность кабардинцев, кумыков и терских ногайцев о калмыцкой угрозе, указав на необходимость быть готовыми к бою с неприятелем. 4 января, около часа дня, калмыцкие отряды показались у Терского городка и напали на заречные слободы казаков, черкесов и юртовских татар. В результате длившегося до вечера боя терцы отстояли слободы князя Муцала Черкасского и Ханмирзы Арсланова. Понеся потери в живой силе, калмыки отступили вверх по Тереку и остановились в 30 верстах. Известно, что Даян-Эрке ожидал подхода основных сил – войск деда Хо-Урлюка и дяди Лузана, но к нему присоединились только Нима-Церен и Сюнке с 2-тысячным отрядом. Численность этого войска, куда входили и недавно присоединившиеся к калмыкам ногайцы-едисаны, составила около 10 тыс. воинов.

Не сумев сразу взять Терский городок, тайши попытались присоединить к себе терских ногайцев, бежавших в кумыкское владение Барагуны. Но калмыкам удалось захватить только небольшой ногайский улус Карасаина Иштерекова, поскольку другие ногайские мирзы скрылись под защиту Эндирейского княжества. Ногайский Кейкуват-мирза с эндирейцами сумели в горах дать калмыкам бой и отстоять свои позиции. В районе между Тереком и Аксаем калмыки остановились, куда к ним приехали двое посланников от терских ногайцев. Результаты переговоров неизвестны, но тайши с войском двинулись обратно в улусы (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 74–78, 145).

Со своей стороны, терские воеводы перешли в наступление и отправили отряд к Цареву броду, перекрыв его для кочевников. Битва за речной брод ни к чему не привела, и калмыки отступили назад. Терцы сумели организовать ночное преследование отступавших калмыков и дали им еще один бой. Но внезапно ударившие сильные морозы заморозили Терек, что позволило калмыкам небольшими отрядами перейти на левобережье. Попытки терцев не пропустить их обратно к Волге оказались безуспешными (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 146–148). Войско Даян-Эрке избежало полного разгрома, но потеряло в боях значительную часть своего состава.

Через несколько дней после выдвигения войска Даян-Эрке на Терек основные силы калмыков под началом Хо-Урлюка выступили по направлению к Кабарде. Тайши попытались вступить в переговоры с кубанскими ногайцами и кабардинцами, стараясь привлечь их на свою сторону. Кабардинцы выступили на стороне малых ногайцев, что, видимо, и объясняет вторжение калмыков непосредственно на их территорию. Терские жители не только информировали кабардинцев и малых ногайцев о возможном нападении калмыков, но и разработали план совместных действий, что позволило нанести поражение противнику, избежав значительных потерь (Кабардино-русские отношения, 1957: 242–244).

Эвлия Челеби в своей работе привел свидетельства очевидцев тех событий, которые записал во время своего пребывания в Кабарде в 1660-е гг. Они только отчасти объясняют причины калмыцкого вторжения. Согласно источнику, калмыки появились в Кабарде, преследуя ногайский улус Арсланбека, который бежал из-под Астрахани. Требование калмыков выдать им этот ногайский улус кабардинцами был отклонен: «Арсланбек – птица, он обрел пристанище, придя на звуки нашего пения. Мы дали ему юрты, сделались братьями. И это племя ногай мы вам не отдадим» (Челеби, 1979: 87).

Ш.Б. Ногмов посредством народных преданий и песен адыгов представил в своей работе подробности боевого столкновения кабардинцев с калмыками, которые упоминаются как «торгуты» (Ногмов, 1994: 128–129). Место последнего сражения сохранило название «Кашкатау», т.е. «беги в горы». Но в песне «Кашкатау» нет упоминания, что калмыки были противниками кабардинцев (Моков, 2001: 137).

Османский летописец Мустафа Наим сообщал, что калмыки двигались на Крымское ханство, но с целью грабежа совершили набег на Кабарду. Кабардинцы под началом князя Алегуко Шеганукова, вооружившись мушкетами и блокировав горный проход, притянули к себе главные силы калмыков, вооруженных в основном только саблями и пиками. Жестокое сражение длилось весь день, и обе стороны были окончательно вымотаны. Ногайский отряд, отправленный крымским ханом Мухаммед-Гиреем IV в помощь кабардинцам, внезапно ударил в тыл калмыкам (Khodarkovsky, 1992: 86). Ш. Ногмов подтверждает, что к кабардинцам действительно пришла помощь от соседних горских племен и состояла из более 2 тыс. человек (Ногмов, 1994: 129). Внезапный удар в тыл заставил калмыков отступить.

По сведениям Челеби, ногайцы и кабардинцы выставили на поле битвы с калмыками до 10 тыс. воинов. Углубившиеся в горные районы калмыки встретили плотный ружейный огонь из засады. Кабардинцы и ногайцы перешли в контратаку, ударив по противнику с тыла и флангов. В бою был убит Хо-Урлюк (в источнике указан как Тайша-шах). После сражения победителям досталось большое количество калмыцких лошадей. С целью закрепить успех кабардинцы и ногайцы стали преследовать отступавших калмыков, истребляя оставших (Челеби, 1979: 87).

В результате столкновения обе стороны понесли серьезные потери. По сообщению терского воеводы А.П. Волянского известно, что погибли тайши Хо-Урлюк, Кирсан и другие (Кабардино-русские отношения, 1957: 243). Ш. Ногмов сообщает о спасении 1,5–2 тыс. калмыков из 10,5 тыс. (Ногмов, 1994: 129). Из русских источников также известно, что в плен попало больше тысячи калмыков и едисанских ногайцев, а вместе с ними и двое тайшей. Больше всего калмыков погибло при отступлении, когда кабардинцы организовали погоню, а также после ударов терцев на Куме (Богоявленский, 1939: 82). Относительно численности калмыцкого войска Хо-Урлюка и выживших после сражения сохранились сведения ногайских мирз в Астрахани в 1645 г., участников этого похода. Согласно им, войско Хо-Урлюка насчитывало 12,5 тыс. человек (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 113). Всего из кавказского похода обратно вернулись примерно 2,5 тыс. человек, около 10 тыс. человек погибло или попало в плен (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1650 г. Д. 2. Л. 38).

В результате военного поражения на Кавказе в середине 40-х гг. XVII в. калмыцкие правители не исключали возможность покинуть прикаспийские степи и вернуться в Джунгарию (Златкин, 1983: 111). Но тайши не могли окончательно принять такое решение, не разрешив вопроса о возвращении останков погибших тайшей и пленных. Поэтому вскоре в Кабарду прибыли калмыцкие послы. По данным Ш. Ногмова, никого из пленников они так и не обнаружили, так как те были распроданы в горы (Ногмов, 1994: 129). Как утверждали кабардинцы в Терском городке, в 1644 г. в Кабарду действительно прибыли 20 калмыцких посланников, которые предложили выкупить пленных. Кабардинские князья Алегуко и Ходождуко отправили их в горы и Малую Ногайскую Орду, но они не смогли никого обнаружить, так как пленники были «распроданы в горы в разные земли» (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 71, 72).

По другим данным, в марте 1644 г. калмыцкие тайши отправили к кубанским ногайцам посольство из 10 человек во главе с Садашкиром, Барыном и Базреком. Калмыки предложили ногайским мирзам объединиться с тайшами, обменяться пленными, а в дальнейшем совместно участвовать в общих военных мероприятиях. В ответ казыевцы отправили своих представителей из 15 человек, которые привезли к тайшам «для веры» калмыцкого пленника. В результате переговоров стороны согласились обменять пленников (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 55, 56). Челеби прямо указывает на тот факт, что тайши за передачу им праха Хо-Урлюка заплатили кубанским владельцам крупный выкуп – десятки тысяч голов скота и лошадей. Кабардинцы от калмыков получили заверение в том, что они откажутся от нападения на их земли. Однако, как утверждает Челеби, обещание не было выполнено и калмыки с кабардинцами стали непримиримыми врагами (Челеби, 1979: 88).

Взяв с собой выкупленные у кабардинцев останки погибших тайшей, в калмыцкие улусы направился казыевский мирза Шагин (Шаим) Ельмурзин. Он рассчитывал обменять их на свою жену и детей, захваченных в плен калмыками осенью 1643 г. И хотя кабардинские князья Алегуко и Ходождуко отговаривали мирзу от поездки, он все-таки отправился в калмыцкие улусы (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 72). Однако Шагин по дороге был перехвачен царским отрядом и посажен в астраханскую тюрьму. Правительство обвинило его в сговоре с калмыками. В 1648 г. он был переведен из тюрьмы в аманаты (Кабардино-русские отношения, 1957: 287, 295, 297).

Калмыцкие тайши продолжали рассматривать возможность нового вторжения на Северный Кавказ и искали для этой цели союзников. По сообщению узденей кабардинского князя Будаचेя Сунчалеевича в июле 1644 г., эндирейский правитель Казаналп и кабардинский мирза Урусхан Янсохов вели переговоры с неким калмыцким посланцем, и якобы Казаналп договорился с малокабардинскими владельцами Казыем Мударовым, Кельмаметом Ибаковым и Созорукой Анзоровым, чтобы отправить к калмыкам своего представителя для переговоров. Калмыцкий посланец прибыл и заключил военный союз с Казаналпом и малокабардинскими князьями против Терского городка, владельцев Большой Кабарды и кубанских ногайцев. Все они были причастны не только в гибели калмыцких тайшей, но и брата Казаналпа – Айдемир-шамхала. Царское правительство запретило дагестанским князьям вступать в какие-либо контакты с тайшами (РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 44, 45, 193).

В декабре 1647 г. тайши Лузан и Сюнке предложили новый поход на Кабарду и Малый Ногай. Для нового вторжения на правобережье Волги и Северный Кавказ калмыцкие тайши искали союзников. Об этом сообщали царским властям кабардинские князья А. Шегануков и Х. Казыев. Например, им было известно о продолжающихся контактах эндирейского Казаналпа с калмыками. Они уверяли, что те все-таки заключили между собой военный союз (Шмелев, 2004: 229–230).

Большое внимание калмыки уделяли и сбору разведывательной информации о районе предстоящих военных действий. Зимой 1649/50 года при подготовке похода на Кабарду разведка донесла, что в горах большой снежный покров и кабардинцы их ждут (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 109). Таким образом, фактора внезапности нападения у калмыков уже не было. Повторение ошибки 1644 г. они не хотели.

Начавшаяся в 1654 г. русско-польская война имела решающее значение в изменении политики России по отношению к калмыкам. Военный союз Крымского ханства и Речи Посполитой привел к новым русско-калмыцким переговорам на качественно ином уровне. Царские власти кардинально пересматривают свое отношение к территориальному вопросу калмыков, разрешив тайшам переходить с улусами на правобережье Волги. Тайши со своей стороны обязались принять активное участие в военной кампании против Крымского ханства и Речи Посполитой. После шерти 1657 г. тайши получили официальное право кочевать по обоим берегам Нижней Волги.

Весть о заключении русско-калмыцкого военного договора быстро распространилась по близлежащим регионам. Это в свою очередь сильно встревожило население Северного Кавказа, поскольку оно серьезно опасалось, что калмыки могут снова вторгнуться на их территории. Кумыкский шевкал и Казаналп обратились к терскому воеводе с просьбой оказать им военную помощь в случае калмыцкого вторжения. Они обязались отправить в Терский городок своих аманатов, вернуть русский полон и направить послов в Москву (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 96).

Но это была умело организованная правительством дезинформация. В начале 1658 г. в Терском городке стало известно о готовящемся нападении кумыков и ногайцев. Астраханские власти немедленно отреагировали на это, предписав терскому воеводе распространить в городе слух о намечающемся калмыцком походе против кумыкских владельцев, чтобы тем самым их утратить и поддержать терских жителей. Казаналп и шевкал Сурхай, узнав об угрозе нападения калмыков, трижды присылали гонцов к терскому воеводе с просьбой не начинать против них военных действий при поддержке калмыков. Астраханские власти по государеву указу просили Дайчина направить письменное предупреждение Сурхаю и Казаналпу о возможности нанесения по ним военного удара в случае отказа подчиниться Москве. Дайчин готов был отправить вместе с русскими в этот регион свои войска (Шмелев, 2004: 230–231).

Русско-калмыцкие отношения развивались на фоне переговоров калмыцких тайшей с крымским ханом Мухаммед-Гиреем, который предлагал тайшам заключить антимосковский союз. В 1659 г. к тайшам прибыл от крымского хана посол Караш-мирза Аталык. Но, не достигнув положительного результата на переговорах, крымский посол в результате уговора увел с собой в Крым 100 кибиток калмыцких ногайцев (Пальмов, 1992: 44). Караш-мирза склонял и других калмыцких ногайцев уходить на территорию Крыма. У Можарского городища весной 1660 г. крымский хан планировал строительство укрепленного каменного городка, усиленного гарнизоном черкесов и ногайцев (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16; Ф. 123. Оп. 1. 1660 г. Д. 4. Л. 6).

Поступок крымского посла не остался без ответа. Со слов калмыков, «у крымцев учинилась ложь, и впредь де им [калмыки] никоторого добра делать не хотят». Поэтому Дайчин принял окончательное решение о выступлении войск на подвластных крымскому хану ногайцев. С целью усыпить бдительность крымцев к ним отправили калмыцкого посла Алыбай-дархана. Как считал Н.Н. Пальмов, этот шаг гарантировал мирное отношение крымцев к калмыкам, но не воспрепятствовал последним продолжать вести наступление на позиции крымцев в доказательство своей верности российскому правительству (Пальмов, 1992: 44).

Сохранились свидетельства о военных действиях отрядов Мончака против турецкого Азова и Малого Ногай, завершившихся захватом тысячи пленников и 18 тыс. голов скота (Очерки..., 1967: 122–123). В начале 1660 г. калмыки разгромили три ногайских улуса мирз Шейдяковых и захватили большое количество их улусных людей. Летом этого же года калмыки вновь совершили набеги на малонogaйский улус Арсланбека. Из свидетельства того времени понятно, что у калмыков с крымским ханом «ссылки ныне нет, потому что меж ими война» (РИБ, 1917: 674, 715, 767).

В предыдущие годы московские власти настойчиво и безрезультатно добивались от малонogaйских мирз присяги в верности царю и удержания их действий против Московского государства. С началом русско-польской войны у ногайцев был велик соблазн участия на стороне Крымского ханства в большой войне и захвате трофеев (Новосельский, 1994: 90). Поэтому у калмыцких тайшей и царского правительства интересы сошлись в одном – нейтрализации ногайцев.

В ноябре 1660 г. тайши Дайчин и Мончак, главные на тот момент калмыцкие правители, были в готовности совершить новый крупный военный поход на Северный Кавказ и Причерноморье. Предварительно в районы будущих вторжений были направлены разведывательные отряды, а именно – под Крым, Азов, Малый Ногай и Северный Дагестан. В результате набегов у кубанцев было отогнано 2 тыс. лошадей, у кемардеевцев и бесленеевцев – 2 тыс. овец, ногайские Султанаш, Ямгурчей и Каракасал, кочевавшие под Тарками и у Эндиреем, потеряли 2 тыс. лошадей (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 28, 29).

После получения данных разведки о ситуации в этих регионах тайши двинули свои войска в нескольких направлениях. Дайчин и Мончак двинулись на Кубань: Казыевский улус, под Темрюк, на Тамань, Кемурдей и Бесленей. Владельцы этих областей поддержали крымского хана и отправили своих людей в войско. Манджи-Джалбо возглавил то направление удара, которое затрагивало ногайские улусы под Кабардой и по соседству с кумыками (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 29).

Узнав о выступлении калмыцких войск к границам Крымского ханства, хан Мухаммед-Гирей отправил к Дайчину своего посла Касима-мирзу. Встреча состоялась, и крымский посланник отговаривал тайшу от продолжения похода и снова предлагал военный союз против России. Мухаммед-Гирей для этого готов был даже отдать в жены Дайчину и Мончаку своих дочерей. Дайчин отправил хану сообщение, что калмыки «с ханом за его неправды в миру не будут и на битву де с ним готовы» (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16; Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 16–19, 29).

В декабре 1660 г. Мончак во главе войска перешел реку Лаба и разгромил улусы ногайцев в урочище Бичигиз. Войско Дайчина направилось на темрюкские, табанские, кимирдинские, бесленеевские селения, а также ногайские улусы Девея-мирзы, Чебан-мирзы Ищерекова, Навруз-мирзы, Кантемира-мирзы Аблина и Урак-мирзы Каспулатова. В качестве трофея калмыкам досталось огромное количество лошадей и скота. Манджи-Джалбо захватил улус ногайского мирзы Навруза Касаева. В марте 1661 г. калмыцкие войска вернулись в свои кочевья (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 19, 20, 30, 33; Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 3–4).

В целом, как считал Дайчин, калмыцкие походы на Северный Кавказ и в Причерноморье были успешны: в ходе их были взяты пленные, а также захвачен скот и другие трофеи (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 142, 145). Поддержка, оказанная калмыками в ходе зимней военной кампании 1660/61 года, царским правительством была признана весьма ощутимой. Тайши не довольствовались разгромом Малой Ногайской Орды, поскольку после зимнего похода на Кубани и Придонье они оставили небольшие отряды общей численностью в 2 тыс. человек (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 20, 93).

Территория северного Дагестана также оказалась в зоне военных ударов калмыков. В конце 1660 г. ногайские мирзы Султанаш Аксак-Кельмаметев, Ямгурчей и Каракасай, кочевавшие под Тарками и Эндиреем, в результате калмыцких набегов потеряли 2 тыс. лошадей. Как утверждает А.С. Шмелев, удар калмыков был предпринят только с одной целью – вернуть ногайские улусы под Астрахань, так как Дайчин и Мончак собирались присоединить ногайский улус Султанаша (Шмелев, 2004: 230–231).

Тайша Мончак просил астраханские власти не предпринимать против Султанаши и Ислама Чубармаметева репрессивных мер за прежние враждебные действия против царских подданных, так как они «по своей мусульманской вере» поклялись кочевать с тайшами. В апреле 1661 г. тайши приказали мирзам Исламу и Ябагу склонить Султанаши и Каракасия кочевать на Волге (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 75–77, 147). Указанные ногайские мирзы советовались с эндирейским Казаналпом о возможности своего ухода с Северного Дагестана из-за давления калмыцких тайшей (Шмелев, 2004: 231).

Более всего от ударов калмыцкой конницы пострадала Малая Ногайская Орда. К Дайчину прибыли для поиска и выкупа ясырей казыевские посланцы, представлявшие интересы мирз Арсланбека и Навруза. Кабардинского князя на русской службе Каспулата Черкасского казыевцы считали главным виновником своих бед, поскольку именно он, по их мнению, направил калмыков войной против Казыевского улуса (РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 157, 158).

5. Заключение

Имеющиеся различные источники о вторжении и последующем поражении калмыков на Северном Кавказе в 1644 г. отчетливо показывают, насколько калмыцкие тайши недооценили военный потенциал местных народов, особенно кабардинцев. Они сумели оказать организованное сопротивление новопришедшему народу, а поражение калмыцкого войска было довольно болезненным, приведшим к серьезному политическому кризису, в том числе и в отношениях с Московским государством. Однако интерес к правому берегу Волги и северокавказскому региону не оставлял калмыцких тайшей даже после такого тяжелого поражения. Выход из кризиса вынуждал их искать примирения с русскими властями на основе совместных внешнеполитических устремлений.

Калмыкам потребовалось около 10 лет, чтобы восстановить свои силы, а затем вернуться и закрепиться в степях Северного Кавказа, но уже в качестве союзника России. В результате длительных русско-калмыцких переговоров в 1655, 1657, 1661 гг. были заключены шерты (договора), которые в первую очередь были направлены на решение территориальной проблемы калмыков, а Россия в лице последних приобрела сильного союзника в борьбе против Речи Посполитой и Крымского ханства. Несомненно, для калмыков это соглашение расширило пространство на правом берегу Волги и позволило продолжить военно-политическую экспансию в северокавказский регион. На Северном Кавказе отныне появилась новая сила, с которой приходилось считаться народам, живущим в этом сложном и своеобразном регионе. Именно с этого времени отношения представителей калмыцкой правящей элиты с местными князьями, в первую очередь с кабардинцами, переходят на качественно иной уровень: от резкой военной конфронтации они перетекают в политическую плоскость.

6. Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта «Проблемы научного изучения и сохранения историко-культурного наследия монголоязычных народов в цивилизационном измерении: российский и монгольский опыт (на примере калмыков России и ойратов Монголии)», № 17-21-03005 а(м).

Литература

- Батмаев, 1993** – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста, 1993. 382 с.
- Бегулов, 2014** – Бегулов Р.М. Калмыцкий поход на Северный Кавказ в 1643–1644 гг. // *Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В.С. Уарзиати. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Владикавказ, 2014. С. 210–217.
- Богоявленский, 1939** – Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // *Исторические записки*. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Златкин, 1983** – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1983. 333 с.
- Кабардино-русские отношения, 1957** – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 1. 478 с.
- Колесник, 2003** – Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. 286 с.
- Моков, 2001** – Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI–XVII вв. Нальчик, 2001. 142 с.
- Ногмов, 1994** – Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 232 с.
- Новосельский, 1994** – Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994. 224 с.
- Очерки..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период / Под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967. 479 с.
- Пальмов, 1992** – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992. 160 с.

- Пальмов, 1926** – *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. I. Астрахань, 1926. 260 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РИБ, 1917** – Русская историческая библиотека Министерства народного просвещения. Т. 34. Донские дела. Кн. 5. Петроград, 1917.
- Смирнов, 1887** – *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
- Трепавлов, 2002** – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
- Цюрюмов, 2007** – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. 464 с.
- Челеби, 1979** – *Челеби Эвлия.* Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. 290 с.
- Шмелев, 2004** – *Шмелев А.С.* Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. (По материалам кумыкско-калмыцких контактов) // *Кавказ. Балканы. Передняя Азия.* Вып. 2(9). Махачкала, 2004. С. 228–229.
- Khodarkovsky, 1992** – *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y., 1992. 278 p.

References

- Batmaev, 1993** – *Batmaev M.M.* (1993). Kalmyki v XVII–XVIII vekakh. Sobytiya, lyudi, byt [The Kalmyks in the 17–18 centuries]. V 2-kh kn. Elista. 382 p. [in Russian]
- Begeulov, 2014** – *Begeulov R.M.* (2014). Kalmytskij pokhod na Severnyj Kavkaz v 1643–1644 gg. [The Kalmyk trip to the North Caucasus]. *Narody Kavkaza: istoriya, ehtnologiya, kul'tura.* K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.S. Uarziati. Materialy vserossijskoj nauchnoj uonferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Vladikavkaz. pp. 210–217. [in Russian]
- Bogoyavlenskij, 1939** – *Bogoyavlenskij S.K.* (1939). Materialy po istorii kalmykov v pervoj polovine XVII veka [The Materials on the history of the Kalmyks in the first half of the XVII century]. *The Historical Notes.* №. 5. pp. 48–102. [in Russian]
- Chelebi, 1979** – *Chelebi E.* (1979). Kniga puteshestvij (Izvecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Perevod i kommentarii. Vyp.2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya [The Book of the Travels]. М. 290 p. [in Russian]
- Kabardino-russkie otnosheniya, 1957** – *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Dokumenty i materialy* [The Kabarda-Russian relations in the 16–18 centuries]. М., 1957. Vol. 1. 478 p. [in Russian]
- Kolesnik, 2003** – *Kolesnik V.I.* (2003). Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noj Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh [The last great nomad camp: The transition of Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17 and 18 centuries]. М. 286 p. [in Russian]
- Khodarkovsky, 1992** – *Khodarkovsky M.* (1992). Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N.Y. 278 p.
- Mokov, 2001** – *Mokov B.M.* (2001). Kabarda vtoroj poloviny XVI–XVII vv [Kabarda of the second half of the 16th–17th centuries]. Nalchik. 142 p. [in Russian]
- Nogmov, 1994** – *Nogmov Sh.B.* (1994). Istoriya adykejskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev [The history of the Adyghe people, compiled according to the legends of the Kabardians]. Nalchik. 232 p. [in Russian]
- Novosel'skij, 1994** – *Novosel'skij A.A.* (1994). Issledovaniya po istorii ehpokhi feodalizma (nauchnoe nasledie) [The Studies on the history of the era of feudalism]. М. 224 p. [in Russian]
- Ocherki..., 1967** – *Ocherki istorii Kalmytskoj ASSR: Dooktyabr'skij period.* Pod red. N.V. Ustyugova [Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. М., 1967. 479 p. [in Russian]
- Pal'mov, 1992** – *Pal'mov N.N.* (1992). Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii [An essay on the history of the Kalmyk people during his stay in Russia]. 2-e izd. Elista. 160 p. [in Russian]
- Pal'mov, 1926** – *Pal'mov N.N.* (1926). Etyudy po istorii volzhskikh kalmykov XVII i XVIII veka [Etudes on the history of the Volga Kalmyks of the 17th and 18th centuries]. Part. I. Astrakhan, 1926. 260 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RIB, 1917** – Russkaya istoricheskaya biblioteka Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya [The Russian Historical Library of the Ministry of National Education]. Vol. 34. Donskie dela. Book 5. Petrograd, 1917. [in Russian]
- Smirnov, 1887** – *Smirnov V.D.* (1887). Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka [The Crimean Khanate under the supremacy of the Ottoman Porta prior to the beginning of the XVIII century]. SPb. 824 p. [in Russian]
- Shmelev, 2004** – *Shmelev A.S.* (2004). Russko-dagestansko-kalmytskie otnosheniya v XVII v. (Po materialam kумыкско-калмыцких контактов) [The Russian-Dagestan-Kalmyk relations in the XVII century]. *Caucasus. Balkans. Front Asia.* Vyp.2(9). Makhachkala. pp. 228–229. [in Russian]

Trepavlov, 2002 – *Trepavlov V.V.* (2002). *Istoriya Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow. 752 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov A.V.* (2007). *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij* [The Kalmyk Khanate in Russia: the problems of political relations]. Elista. 464 p. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin I.Ya.* (1983). *Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758* [The History of the Dzungarian Khanate]. 2-e izd. M. 333 p. [in Russian]

Взаимоотношения калмыков с народами Северного Кавказа в контексте военно-политических контактов в середине XVII века

Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}, Герман Манджиевич Борликов ^b

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

^b Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду установления отношений между калмыками и народами Северного Кавказа в середине XVII в., который в этот период носил в основном военно-политический характер. В результате миграции из Центральной Азии в степи Северного Прикаспия удару калмыцкой конницы подверглись не только ногайцы на Волге, Тереке и Кубани, но и другие народы Северного Кавказа, в первую очередь кабардинцы, поддержавшие ногайцев и выступивших на их стороне. Москва, используя все политические и военные средства, не была заинтересована в переходе калмыков на правый берег Волги и появлении их на Северном Кавказе.

Отразив первое наступление калмыков в 1644 г., в дальнейшем кабардинские князья так и не смогли окончательно остановить экспансию калмыцких правителей в свой регион и также заключили с ними союз.

После начала Русско-польской войны 1654–1667 гг. Московское государство заключило военный союз с калмыцкими тайшами. Это соглашение было направлено в первую очередь против Крымского ханства, выступившего на стороне Речи Посполитой. Калмыцкая конница, уже при поддержке царского правительства, снова вторгается на Северный Кавказ, чтобы предотвратить объединение крымско-татарской и кубанско-ногайской конниц и не допустить их в главный военный театр русско-польской войны.

Приход калмыков сильно изменил политическую расстановку на Северном Кавказе, и в дальнейшем калмыцкое присутствие в регионе в течение XVII–XVIII вв. было постоянным.

Ключевые слова: калмыки, Северный Кавказ, Крымское ханство, Кабарда, кабардинцы, ногайцы, кочевники, XVII век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев), president@kalmsu.ru (Г.М. Борликов)